

«ПАМЯТЬ И ПОХВАЛА» МНИХА ИАКОВА И «КОРСУНСКАЯ ЛЕГЕНДА»

ДВЕ ВЕРСИИ ПРИНЯТИЯ ХРИСТИАНСТВА СВЯТЫМ РАВНОАПОСТОЛЬНЫМ КНЯЗЕМ ВЛАДИМИРОМ В ПАМЯТНИКАХ РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XI—XIV ВЕКОВ

Среди памятников древнерусской литературы, сохранивших свидетельство о начальной поре Русской Церкви, «Память и похвала» Мниха (монаха) Иакова известна, скорее, специалистам-историкам, чем широкому кругу православных христиан. Подлинность этого свидетельства некоторое время вызвала сомнение исследователей, так как версия принятия христианства князем Владимиром, изложенная в «Памяти», как и некоторые моменты его биографии, противоречит принятой в летописи. Изучение текста «Памяти и похвалы», сравнение его с другими источниками позволило установить принадлежность его к древнейшему периоду русской письменности (70-е годы XI века)¹, а следовательно, и то, что в древности не существовало единого представления о личности князя Владимира до принятия Крещения и о самом Крещении как историческом событии.

Чем же концепция «Памяти» отличается от летописной и о каких еще текстах в этой связи может идти речь? Противоречивы, прежде всего, представления о характере Владимира-язычника: был ли он, как утверждает летопись, типичным примером правителя-варвара, лишённого вовсе нравственной готовности принять христианство, или же его характер и душевный настрой естественным путем привели его к Крещению, как считают писатели XI века: митрополит Иларион, преподобный Нестор и автор «Памяти»? Оба мнения в равной степени гипотетичны с точки зрения исторической достоверности и оба имеют подтверждение в истории христианства, ибо разными путями Господь приводит человека к христианской вере. Летописный образ князя Владимира до Крещения напоминает личность апостола Павла, в язычестве — яркого гонителя христиан; летописный образ его явно ориентирован на житие преподобного Евстафия Плакиды, которого Господь помиловал именно за его доброту.

Более принципиальный характер имеют различные представления летописи и «Памяти» о времени, месте и обстоятельствах Крещения князя Владимира. Самая известная русская летопись, «Повесть временных лет», под 988 годом приводит подробный рассказ о том, как князь Владимир отправился в греческий город Корсунь и после продолжительной осады взял его, воспользовавшись предательством корсунянина по имени Анастас; угрожая опустошить таким же образом Царьград, русский князь потребовал себе в жены византийскую царевну, на что цари Василий и Константин согласились с условием: Владимир должен креститься. Этот известный рассказ, как и сама летопись, появился не ранее последней четверти XI века, то есть через столетие после описываемых событий. В более древних свидетельствах подобной версии нет. В них сказано, что князь Владимир крестился дома (в Киеве или Василеве), а через два года после Крещения решил обратить в христианскую веру весь народ и отправился в Корсунь, чтобы, взяв греческий город силой, потребовать, уже в качестве победителя, наставников в правой вере: себе — жену-христианку, а народу — священнослужителей².

Эти разногласия в древнерусских памятниках тесно связаны с предыдущими: там, где проводится «корсунская» линия Крещения, языческий образ князя Владимира отмечен знаком Савла, а где личное Крещение князя и корсунский поход разделяют два года — он сравнивается с Евстафием Плакидой. Нетрудно заметить, что в источнике, которым воспользовался летописец, образ князя Владимира снижен и даже несколько осмеян (поехал добывать невесту — и крестился). Авторами другого направления руководства любовь и чувство сопричастности к его описанию истории своего народа, которые и определяют «авторское» отношение к «герою» и выбор средств. И дело здесь не в том, что «Повесть временных лет» — произведение светской литературы, а «Слово о Законе и Благодати», «Память и похвала», «Чтение о Борисе и Глебе» написаны людьми

ми духовного звания. Напротив, вся проложная литература о святом князе Владимире находилась в прямой зависимости от летописи, а некоторые жития превзошли летопись в изобретении циничных подробностей биографии великого крестителя Руси.

Идейный смысл этих противоречий нужно искать в характере взаимоотношений между Русской и Греческой Церквами при Ярославе Мудром — в напряжении, которое было вызвано желанием Киевской Руси видеть свою Церковь более независимой, чем хотелось бы Константинополю. В начале 40-х годов XI века это напряжение охватило все уровни церковной и гражданской жизни Киева, оно было тесно связано с подъемом национального самосознания и, наконец, в 1043 году разрешилось прямым вызовом Константинополю (война 1043—1046 годов)³: дипломатические отношения с Византией на время были прерваны, и во главе Русской Церкви был поставлен русский митрополит. В «Слове о Законе и Благодати» (приблизительно 1049 год) митрополит Иларион в иноказательной форме обосновал право «нового народа» самостоятельно решать проблемы своей Церкви и в форме «Похвалы» изложил программу канонизации князя Владимира, которой в числе прочих дел, прославляющих Русскую Церковь, добивался Ярослав Мудрый. Одним из источников «Повести временных лет» академик Д. С. Лихачев считает «Сказание о распространении христианства на Руси». Оно написано примерно в то же время, идейно и стилистически связано со «Словом» митрополита Илариона. Оба произведения имеют единую установку: «прославить благочестие русских людей» и «опровергнуть греческую точку зрения на Русь»⁴, не увлекаясь «передачей самих событий», а обращая внимание, главным образом, на их «сокровенный» смысл. (Эти черты литературы «эпохи противостояния» восприняли писатели следующего поколения, Иаков и Нестор, которые, скорее всего, жили уже в атмосфере идеологического давления Греческой Церкви и писали, как говорится, «в стол»).

В последний год жизни Ярослава Мудрого, и особенно после его смерти († 1054), это напряжение разрыва с Церковью-Матерью (а с другой стороны — свободного творческого горения) постепенно ослабло: Русское государство пошло на уступки, вассальная зависимость Русской Церкви была восстановлена (кафедру Киевской митрополии занял грек Ефрем — 1055 год). Следующим этапом была ликвидация последствий независимого существования Русской Церкви в период княжения Ярослава Мудрого — свободного национального творчества в Церкви. Сделать это было нетрудно, так как книжная культура (особое значение здесь имеет, конечно, летописание) постепенно переходит к грекам или находится под сильным влиянием греческих церковно-исторических установок. После занятий киевской митрополии греческим митрополитом проводником «русской идеи» и центром летописания становится Киево-Печерский монастырь, воспитавший автора «Памяти» и преподобного Нестора. Однако в начале 90-х годов греческий ставленник-митрополит изымает летопись из монастыря и в дальнейшем осуществляет контроль над летописанием. Последним звеном в процессе нейтрализации национального элемента в церковном самосознании было составление так называемой «Корсунской легенды» (80—90-е годы)⁵, которая внесла окончательную редакцию в летописное повествование о Крещении Руси и обресодала черты канонического жития святого князя Владимира.

Как установил академик А. А. Шахматов, к Корсунской легенде восходят и сама идея соединаия Крещения князя Владимира с походом его на Корсунь, и наиболее неприглядные моменты его «биографии»: рассказ о блудной жизни Владимира-язычника, разбойничьи цели корсунского похода (мотив добывания невесты), варварское обращение с гражданами покоренного города и др. Составителями легенды, как считал ученый, был потомок корсунского духовенства или люди близкого круга, так как именно им было выгодно подчеркнуть значение родного города в истории Русской Церкви: «Взятие Корсуны» (<...>) совпадает с началом просветительской деятельности корсунского духовенства на Руси. Приурочение Крещения Владимира ко времени этого взятия было для корсунцев логически необходимым, а между тем, как мы уже знаем, Владимир крестился в Киеве и крестился за два года до своего похода на Корсунь. Итак, исторические факты — осада и взятие Корсуны, а затем женитьба Владимира на Анне — должны были подвергнуться своеобразному освещению и, так сказать, принудительному толкованию со стороны корсунцев, прежде всего со стороны корсунского духовенства (<...>)⁶.

Основные моменты Корсунской легенды вошли в Начальный летописный свод (приблизительно 1093 год) — главный источник «Повести временных лет». Но автор «Повести», помимо Начального свода, использовал и другие, более ранние тексты, которые были авторитетными и для митрополита Илариона, и для монаха Иакова — писателя «русской» ориентации. Одним из них академик Д. С. Лихачев считал «Сказание о распространении христианства на Руси». «Сказание» возникло во второй половине 40-х годов при храме во имя святой Софии, основанном Ярославом Мудрым, и должно было осветить события церковной истории Руси правильно, то есть с русской, а не с византийской точки зрения. «Мысль о праве Руси на культурную и церковную самостоятельность, — пишет ученый, — пронизывает собою «Сказание». Его автор прославляет благочестие русских людей, подводит мысль о свободном, а не подневольном принятии Русью христианства и о равенстве всех народов»⁷. Таким образом, в «Повести временных лет»

как бы уравновесились две противоположные концепции Крещения — «корсунская» и «русская», — и резкий, пренебрежительный тон Корсунской легенды был нейтрализован патриотическим пафосом «Сказания о распространении христианства на Руси».

Этого нельзя сказать о житиях, авторы которых полностью доверились вымыслам Корсунской легенды. Меньше всего от Корсунской легенды отклонилось в интерпретации событий так называемое Житие особого состава (из рукописного сборника XVII века купца Плигина⁸), возникшего, по мнению А. А. Шахматова, в глубокой древности (не позднее XII века). Автор этого жития с такой широтой повествует о блудной жизни князя Владимира до крещения, что приписывает желание «творить беззаконие» стоящему перед святой купелью. В отличие от «Повести временных лет», автор которой все же пытается согласовать вымысел легенды с логикой (князь Владимир так легко соглашается с условием женитьбы на византийской царевне потому, что еще раньше сам надумал креститься), Плигинское житие изображает Крещение Владимира как случайное следствие его «беззаконных помыслов».

* * *

Мы проследили пути возникновения двух столь различных версий о принятии христианства святым равноапостольным князем Владимиром — «русской» и «греческой». Напомним главные моменты расхождений. В произведениях «русской» ориентации⁹ утверждается, что князь Владимир принял Крещение на родине, и это было актом свободного выбора, которому предшествовало соответствующее воспитание и внутреннее расположение; через два года он пошел на Корсунь, чтобы потребовать от лица победителя священников, которые «научили бы народ закону христианскому», и закрепить брачным соглашением вступление своего государства в семью христианских народов. Корсунская легенда и зависимые от нее памятники¹⁰ отрицают самостоятельность выбора, изображают характер Владимира-язычника, не шадя чувства национальной гордости русского народа, и приурочивают Крещение к Корсунскому походу, считая это событие делом случая, которым воспользовалось греческое духовенство.

Точка зрения на интересующие нас события наиболее подробно развита в «Памяти и похвале князю русскому Владимиру» — произведении монаха Киево-Печерского монастыря Иакова¹¹. Риторическое по жанру и довольно безыскусное по стилю, это произведение не оставляет сомнения в том, что его автор поставил перед собой цель высветить самые спорные, болезненные моменты начального периода христианства на Руси и дать им правильное, то есть с русской точки зрения, толкование. Особую ценность придает «Памяти» включенный сюда текст так называемого «Древнего жития князя Владимира». Неизвестно, сам ли автор включил этот памятник в повествование или позже это сделал один из редакторов «Памяти», но произошло это, по-видимому, не случайно. Древнее житие (далее — ДЖ) князя Владимира, которое начинается словами «Блаженный же князь Владимир внук Ольгинъ», — самое древнее из сохранившихся житийных сказаний о крестителе Руси (последняя четверть XI века). Проведенная в ДЖ хронология событий, относящихся к Крещению святого Владимира, противоречит принятой в «Повести временных лет», но подтверждает свидетельством митрополита Иларiona о том, что самостоятельное решение принять христианскую веру никак не связано с походом князя Владимира на Корсунь и проповедью греков. Таким образом, позиция автора «Памяти», выраженная, как и в «Слове о Законе и Благодати», в форме риторического убеждения, была подкреплена указанием точных дат личного Крещения князя Владимира (987) и корсунского похода (989)¹².

Публикуя материал к 1000-летию Русской Церкви, мы хотим напомнить читателю о существовании в древнерусской церковной письменности двух версий о принятии Крещения святым Владимиром, поэтому следом за «Памятью и похвалой» предлагается перевод другого жития, которое целиком отражает концепцию «Повести временных лет», хотя долгое время его автором ошибочно считали Иакова. Перевод и примечание сделаны А. Белицкой по изданию: Срезневский В. И. «Память и похвала» князю Владимиру и его житие по списку 1494 г. — СПб., 1897.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См труды: *Макарий*, митрополит. История Русской Церкви. Т. I, II. СПб., 1857. *Голубинский Е. Е.*, профессор. История Русской Церкви. Т. I. М., 1880. *Шахматов А. А.* Корсунская легенда о крещении князя Владимира. СПб., 1898. *Серебрянский Н. И.* Древнерусские княжеские жития. М., 1915 и др.

² Кажущееся противоречие в действиях князя *Голубинский Е. Е.* (История Русской Церкви. Т. I, I-й полутом, с. 139) объясняет его желанием вступить в сношения с греками на равных, а это возможно было только с позиции силы, с позиции победителя, диктующего свои условия: «греки были не папа (римский. — *Ред.*), однако и у них была сильная склонность смотреть на народы, принимавшие их веру и становящиеся в церковную от них зависимость как на народы себе подручные, и в отношении политическом как на своих вассалов».

³ Как известно, одной из причин похода 1043—1046 годов было желание князя Ярослава добиться от Греческой Церкви права свободно решать вопросы внутренней церковной жизни.

⁴ Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, с. 72.

⁵ Исследование этого памятника принадлежит академику *Шахматову А. А.* См. его кн.: Корсунская легенда о крещении князя Владимира. СПб., 1905.

⁶ *Шахматов А. А.* Корсунская легенда о крещении князя Владимира. — СПб., 1906, с. 59.

⁷ *Лихачев Д. С.*, академик. Указ. соч., с. 71.

⁸ Издано М. Г. Халанским в его книге: «Экскурсы в область древних рукописей и старопечатных изданий». — Харьков, 1902.

⁹ «Древнейшим летописным свод», «Сказания о распространении христианства на Руси», «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона, «Памяти и похвале князю русскому Владимиру» Иакова, «Чтении о св. Борисе и Глебе» преподобного Нестора.

¹⁰ Начальный летописный свод, «Повесть временных лет» и жития святого Владимира XII—XIV веков.

¹¹ См. прим. 1 к переводу памятника.

¹² См. подробнее о ДЖ в прим. 22 к публикуемому переводу.

**Диакон Александр Мумриков,
А. Белицкая**

ПАМЯТЬ И ПОХВАЛА
КНЯЗЮ РУССКОМУ ВЛАДИМИРУ

Месяца июля в 15 день. Память и похвала князю русскому Владимиру: как крестился Владимир и детей своих крестил и всю землю русскую от конца и до конца, и как крестилась бабка Владимирова Ольга прежде Владимира. Написано Иаковом монахом¹.

529

1. Господи, благослови, Отче

Павел, святой апостол, церковный учитель и светило всего мира, посылая к Тимофею послание, говорил: *«Сын мой, Тимофей, что слышал от меня при многих свидетелях, то передай верным людям, которые были бы способны и других научить (2 Тим. 2, 1, 2)»*². И блаженный апостол Лука евангелист к Феофилу писал, говоря: *как уже многие начали составлять повествования о совершенно известных между нами событиях, как передали нам то бывшие с самого начала очевидцами и служителями Слова, — то рассудилось и мне, по тщательном исследовании всего сначала, по порядку описать тебе, достопочтенный Феофил, чтобы ты узнал твердое основание того учения, в котором был наставлен (Лк. 1, 1—4)*. К этому Феофилу написал Деяния апостольские и Евангелие святой апостол Лука. Потом многих святых начали писать жития и мучения. Также и я, худый монах Иаков, слыша от многих о благоверном князе Владимире всея Русской земли, сыне Святослава, и, немного собрав от многих тех, добродетели его описал³, и о сыновьях его, то есть святых и славных мучениках Борисе и Глебе⁴, — как просветила Благодать Божия сердце князю русскому Владимиру, сыну Святослава и внуку Игоря, и возлюбил его человеколюбивый Бог, хотящий спасти всякого человека [чтобы ему] в разум истины прийти — и возжелал святого Крещения. *Как лань желает к потокам воды (Пс. 41, 2), так возжелал благоверный князь Владимир святого Крещения, и Бог исполнил желание его. Ибо написано: Желание боящихся Его Он исполняет, вопль их слышит и спасает их (Пс. 144, 19)*. И Сам Господь сказал: *Просите, и дано будет вам; ищите и найдете; стучите и отворят вам; ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят (Мф. 7, 7—8)*. И еще сказал: *Кто будет веровать и креститься, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет (Мк. 16, 16)*. Взыскав спасения и узнал от бабки своей Ольги, как пошла к Царьграду и приняла святое Крещение и в добродетели попала перед Богом, всеми добрыми делами украсившись, и почила с миром во Христе Иисусе в вере благой. Князь Владимир, все это слыша от бабки

л. 529— об.

л. 5

- своей Ольги, нареченной во святом Крещении Еленой, и житию ее подражая, святой царицы Елены, блаженной княгини Ольги, — это слыша, Владимир возгорелся Святым Духом сердцем своим хотя святого Крещения⁷. Бог же, видя хотение сердца его, провидя доброту его, призрел с небес милостью Своею и щедротами; и в Троице славимый*, испытующий сердца и утробы, Бог праведный, все прежде ведающий, просветил сердце князя русской земли Владимира принять святое Крещение.
- Крестился сам Владимир и детей своих и весь дом свой святым Крещением просветил и освободил всякую душу мужского пола и женского для святого Крещения. И возрадовался и возвеселился о Боге князь Владимир, (как) Давид⁶, и как святой пророк дивный⁷ Аввакум**, веселясь и радуясь о Боге Спасе своем. О, блаженное время и день добрый, исполненный всякого блага, когда крестился Владимир князь! И наречен был в святом Крещении Василий, и дар Божий осенил его, Благодать Святого Духа осветила сердце его и научила по заповеди Божией ходить и жить в Боге, и веру твердую удержал неизменной. Крестил же и всю землю Русскую от конца и до конца, и языческих богов, бесов Перуна и Хорса и многих других потоптал, и низверг идолов, и отверг всю безбожную ложь. И церковь построил каменную во имя Пресвятой Богородицы — прибежище и спасение душам верным — и десятину ей дал, чтобы о священнослужителях позаботиться и о сиротах, и о вдовицах, и о нищих. И потом всю землю Русскую и города все украсил святыми церквами; и отверг всю дьявольскую ложь, и вышел из тьмы дьявольской на свет, с детьми своими пришел к Богу, приняв Крещение, и всю землю Русскую вырвал из уст дьявола, и к Богу привел, к свету истинному. Ибо сказал Господь через пророка: *если извлечешь драгоценное из ничтожного, то будешь как Мои уста* (Пр. Иерем. 15, 19)⁸, — и стал князь Владимир как уста Божии, и человек от лжи дьявольской к Богу привел. О, какая радость и веселие настали на земле! И ангелы возвеселились и архангелы, и духи святых выиграли. Сам Господь сказал, какая радость бывает на небесах *об одном грешнике кающемся* (Лк. 15, 7). Такое бесчисленное (множество) душ по всей земле Русской приведены к Богу святым Крещением! Похвалы всякой достойно то дело (которое он) совершил, и радости духовной исполнено.
- О, блаженный и преблаженный князь Владимир, благоверный и христоролюбивый, и страннолюбивый! Награда твоя весьма велика перед Богом. И блаженный Давид говорил: *Блажен человек, которого вразумляешь Ты, Господи, и наставляешь законом Твоим, чтобы дать ему покой в бедственные дни* (Пс. 93, 12—13)⁹.

* После этих слов в оригинале — словосочетание «князя Володимера», нарушающее синтаксическую логику предложения и опущенное при переводе.

** Здесь в оригинале: «о Бозе Спасе» — очевидно, повтор переписчика. Парафраз Песни Пресвятой Богородицы (Лк. 1, 46—55).

Блаженный князь Владимир, уклонившись от службы дьяволу, пришел ко Христу Богу Владыке своему и людей своих привел, и научил их служить Богу. Ибо сам Господь сказал: *кто сотворит (заповедь) и научит, тот великим наречется в Царстве Небесном* (Мф. 5, 19). А ты, о блаженный княже Владимире, стал апостолом во князьях, всю землю Русскую приведшим к Богу святым Крещением, и научил людей своих поклоняться Богу, славить и воспевать Отца и Сына и Святого Духа. И все люди Русской земли познали Бога через тебя, божественный княже Владимире! Возрадовались же ангельские чины, агнцы чистые, — ныне радуются верные! — и воспели, и восхвалили. Как младенцы еврейские с ветвями встретили Христа, восклицая: «Осанна Христу Богу, победителю смерти!» — так и новоизбранные люди Русской земли вновь восхвалили Владыку Христа со Отцом и со Святым Духом, к Богу приблизившиеся Крещением и отрeksiеся от дьявола, и служение ему осмеяли, и презрели бесов, и познали Бога истинного, Творца и Создателя всей твари и поют во все дни жизни и на всяк час песнь чудную, хвалу архангельскую: *слава в вышних Богу, и на земле мир, в человецех благоволение* (Лк. 2, 14). И ты, блаженный княже Владимире, подобное Константину великому содеял¹⁰. Ведь он верой великою и любовью к Богу подвигся, утвердил во всей вселенной любовь и веру и святым Крещением просветил весь мир, и закон Божий по всей земле заповедал, и разрушил храмы идольские со лжеименными богами, святые же церкви по всей вселенной поставил на хвалу Богу, в Троице славимому, Отцу и Сыну и Святому Духу; крест обрел — всему миру спасение, с божественной и богомудрой матерью своей святой Еленой; и с чадами многими привел к Богу святым Крещением бесчисленное множество, и требища бесовские истребил, и храмы идольские разрушил, и церквами украсил всю вселенную и (свой) город, и повелел в церквах память Святым творить песнопениями и молитвами, и праздники праздновать во славу и хвалу Богу. То же и блаженный князь Владимир совершил с бабкой своей Ольгой¹¹.

л. 532

[В этот же день похвала княгине Ольге, как крестилась и истинно жила по заповеди Господней].

Ибо эта блаженная княгиня русская Ольга по смерти мужа своего Игоря, князя русского, освящена была Божией Благодатью и в сердце приняла Божию Благодать¹². О как восхваляю блаженную княгиню Ольгу, братие! Не знаю. Телом будучи женщина, (но) мужскую мудрость имея, просвещенная Святым Духом, уразумевшая Бога истинного, Творца неба и земли, восстав, пошла в землю Греческую, в Царьград, где царями христиане и христианство утвердилось, и, придя, попросила Крещения, и приняв святое Крещение, возвратилась в землю Русскую, в дом свой, к людям своим, с радостью великою, освещенная духом и телом, неся знамение Честного Креста. И потом требища бесовские разрушила и начала жить во Хрис-

л. 533

те Иисусе, возлюбив Бога всем сердцем и всей душой, и пошла вослед Господа Бога, всеми добрыми делами осветившись и милостынею украсившись: нагих одевая, жаждущих напоая, странствующим давая приют, нищих и вдовиц, и сирот — всех милуя, и потребное давая всем с тихостью и любовью сердца, и моля Бога день и ночь о спасении своем. И так пожив и добром славя Бога в Троице, Отца, Сына и Святого Духа, почила в благой вере, окончив житие свое с миром о Христе Иисусе, Господе нашем¹³. И Бог прославил тело своей Елены* — этим именем в святом Крещении наречена блаженная княгиня Ольга, — и остается в гробе тело ее честное и неразрушимо пребывает и до сих дней. Ибо Бог прославляет своих рабов, как сказал пророк: *славящего Меня прославлю, и укоряющий без чести будет* (1 Цар. 2, 30). Блаженная же княгиня Ольга прославила Бога всеми добрыми делами своими, и Бог прославил ее. Иное чудо услышите о ней: о гробе, где лежит блаженное и честное тело блаженной княгини Ольги. Гроб каменный малый в церкви святой Богородицы (эту церковь создал блаженный князь Владимир, каменную, в честь святой Богородицы) и есть гроб блаженной Ольги, и на верху гроба оконце сотворено, и через него видно тело блаженной Ольги, лежащее цело. Кто с верою придет — отворится оконце, и он увидит честное тело, лежащее целым, и подивится чуду такому: столько лет во гробе лежащему телу неразрушившемуся. И люди верные, видя чудо, весьма славят Бога, дивясь милости Божией, каковою одаривает святых Своих. О дивное и страшное чудо, братия, и преславное! И достойно похвалы всякой тело то честное: во гробе цело, будто спит, покоится! Поистине, *дивен Бог во святых своих, Бог израилев* (Пс. 67, 37). Видя это, верные люди прославят Бога, прославляющего рабов Своих. А другим, кто не с верою приходит, не отворится оконце гробное и не видят тела того честного, но только гроб. Так Бог прославил рабу Свою Ольгу, русскую княгиню, нареченную в святом Крещении Еленой. По святом же Крещении эта блаженная княгиня Ольга жила 15 лет и, угодив Богу добрыми своими делами, скончалась месяца июля в 11 день в год 969, душу свою честную предав в руки Владыке Христу Богу**.

л. 534

Блаженный же князь Владимир¹⁴, внук Ольгин, крестился сам и детей своих, и всю землю Русскую крестил от конца и до конца; храмы идольские и требища повсюду сровнял с землей и посек и идолов сокрушил; и всю землю Русскую, и города, и Церкви пречестными иконами украсил, память святых в церквах творя песнопениями и молитвами, и празднующая светлыми праздники Господские, три трапезы поставляя: первую митрополиту с епископами, и с монахами, и со священниками; вторую нищим и убогим, третью себе и боярам своим, и всем мужам своим. Блаженный князь Владимир уподобился царям

л. 534 об.

* Начало вставки XIV века в текст «Похвалы княгине Ольге».

** Конец вставки XIV века в «Похвалу княгине Ольге» Иакова. Начало «Древнего жития князя Владимира».

святым: пророку Давиду, царю Иезекиилю, и преблаженному Осии, и великому Константину, который избрал и предпочел Божий закон всему и послужил Богу всем сердцем, и получил милость Божию, и наследовал рай, и принял Царство Небесное, и почил со всеми святыми, угодившими Богу, — так и блаженный князь Владимир, послужив Богу всем сердцем и всей душой. Не удивляемся, возлюбленные, что чудес не творит после смерти¹⁵: ведь многие святые, праведные не сотворили чудес, но святы. Как сказал об этом святой Иоанн Златоуст: «По чему знаем и понимаем, что свят человек? По чудесам ли или по делам?» И ответил: «По делам познается, а не по чудесам». Ибо много и волхвы чудес сотворили бесовским наваждением; ведь были святые апостолы — и бывали лжеапостолы, были святые пророки — и бывали лжепророки, слуги дьявола; иное чудо, и сам сатана преобразается в ангела светлого. Но по делам познается святой, как и апостол сказал: *Плод же духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благодать, милосердие, вера, кротость, воздержание. На таковых нет закона* (Гал. 5, 22—23). Блаженный же князь Владимир всем сердцем и всей душой Бога возлюбил и заповеди Его взыскал и сохранил. И все народы боятся его и дары приносят ему. И возвеселился и возрадовался о Боге и о святом Крещении, и восхвалял и славил Бога за все это князь Владимир, и так в радости смиренным сердцем говорил¹⁶: «Господи, Владыко благий! Вспомнил меня и привел меня к свету, и я познал Тебя, всей твари Творца. Слава Тебе, Боже всех, Отче Господа нашего Иисуса Христа! Слава Тебе и Сыну и Святому Духу за то, что так меня помилуешь! Во тьме пребывал, дьяволу служа и бесам, но Ты меня святым Крещением просветил. В зверином (образе) пребывал, много зла творил в язычестве и жил, как скоты, нагим: Ты меня укротил и наказал Своею Благодатью. Слава Тебе, Боже, в Троице славимый, Отец и Сын и Святой Дух! Троица Святая! Помилуй меня, настави меня на путь Твой и научи меня творить волю Твою — ибо Ты есть Бог мой». И князь Владимир старался подражать делу святых людей и их жизни и возлюбил Авраамово житие и подражал страннолюбию его, Иаковлевой истине, Моисеевой кротости, Давидову беззлобию, царя Константина Великого, первого царя христианского, — того подражая правоверию. Важнее же всего, (что) князь Владимир постоянно творил милостыню: ежели кто из немощных и старых не мог прийти до княжеского двора и взять необходимое, то посылал им на двор; немощным и старым блаженный князь Владимир давал все, в чем была нужда. И не могу перечислить всех его милостей¹⁷: не только в своем доме милостыню творил, но и по всему городу; не в одном Киеве, но и по всей земле Русской: и в городах, и в селах — везде милостыню творил, нагих одевая, алчущих насыщая и жаждущих напоая, странникам милостиво давая приют и церковников чтя и любя, и милуя, давая им необходимое: нищих и сирот, и вдовиц, и хромых, и больных — всех милуя, одевая, насыщая и напоая. Когда вот так, в добрых делах пребывал

л. 535

л. 536

князь Владимир, Благодать Божия просвещала сердце его и рука Господня помогала ему — побеждал он всех врагов своих^{18*}, и боялись его все. Если шел — одолевал: радимичей победил и данью обложил, вятичей победил и их тоже обложил данью, и ятвягов взял, серебряных болгар победил, и на хазар пошел и победил их и данью их обложил¹⁹. Замыслил и на греческий город Корсунь (идти), и так молился князь Владимир Богу: «Господи Боже, Владыко всех! Одного у Тебя прошу — дай мне град, чтобы взять (его) и привести людей-христиан и священников на свою землю и чтобы научили народ (мой) закону христианскому». И услышал Бог молитвы его, и взял град Корсунь. И взял сосуды церковные и иконы, и мощи святого священномученика Климента и иных святых. В те дни были два царя в Царьграде: Константин и Василий. И послал к ним Владимир, прося у них сестру в жены — чтобы более себя на христианский закон направить. И дали (они) ему сестру свою и дары многие прислали ему, и мощи святых дали ему^{20**}. Так, достойно похвалы, жил князь Владимир и кончил жизнь свою в правоверной вере во Христа Иисуса Господа нашего, как и благоверная Ольга: ибо и та пошла к Царьграду, приняла святое крещение и много сделала добра в этой жизни перед Богом, и кончила жизнь свою в истинной вере, и почил с миром, в руки Божии душу предав. И когда князь Владимир был еще жив, напало войско печенег. Владимир же был болезнью одержим, и в этой болезни предал душу свою в руки Божии²¹.

[МОЛИТВА КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА]

Князь Владимир, оставляя свет сей молился, говоря так: «Господи Боже мой! Жил не ведая Тебя, но Ты помиловал меня, и святым Крещением просветил Ты меня — и познал Тебя, Боже всех, святой Творец всей твари, Отец Господа нашего Иисуса Христа! Слава Тебе и Сыну и Святому Духу! Владыко Боже! Не попомни моей злобы: не познал Тебя в язычестве, ныне же знаю Тебя и увидел. Господи Боже мой! Помилуй меня: если хочешь казнить и мучить меня за грехи мои — казни меня Сам, Господи, но бесам не предай меня». И так говоря и молясь Богу, предал душу свою с миром ангелам Господним и преставился. И как праведных душа в руке Божией, и воздаяние им от Бога, и помощь им от Всевышнего — то примут венец красоты от руки Господней. По святом же Крещении жил блаженный князь Владимир 28 лет^{***}. На другой год после Крещения ходил к порогам, на третий год город Корсунь взял, на четвертый год церковь каменную святой Богородицы заложил, в девятый год блаженный христоролюбивый князь Владимир десятину дал церкви святой Бого-

* Начало вставки о Корсунском походе в текст Древнего жития.

** Конец вставки о Корсунском походе. Продолжение текста «Памяти» Иакова.

*** Конец текста «Памяти» Иакова. Продолжение Древнего жития.

родицы от владений своих. Об этом ведь и сам Господь сказал: *где сокровище ваше, там будет и сердце ваше* (Мф. 6, 21). Блаженный князь Владимир имел сокровище свое на небесах, сокрыв милостыней и своими добрыми делами, — там и сердце его было, в Царствии Небесном²². И Бог помог ему, и сел в Киеве на место отца своего Святослава и деда своего Игоря. А князя Святослава печенеги убили, а Ярополк сел в Киеве на место отца своего Святослава. И когда Олег с воинами шел около Овруча града, мост с воинами обломился и придавил Олега во рву. А Ярополка убили в Киеве люди Владимировы. И сел в Киеве князь Владимир на восьмой год по смерти отца своего Святослава, июня месяца в 11 день в год 978²³. Крестился князь Владимир на десятый год по убиении брата своего Ярополка²⁴. Клял себя и плакался блаженный князь Владимир из-за всего того, что сделал в язычестве, не ведая Бога. Познав же Бога истинного, Творца неба и земли, покаялся за все и отвернулся от дьявола и бесов, и всей службы его, и послужил Богу добрыми своими делами и милостыней. Почил с миром июля месяца в 15 день 1015 года во Христе Иисусе Господе.

л. 538

II

ЖИТИЕ БЛАЖЕННОГО ВЛАДИМИРА²⁵

Вот что было незадолго до этого времени, когда был самодержцем всей Русской земли Владимир, внук Ольгин, а правнук Рюриков: ходили слуги его в болгары и в немцы и видели скверные их дела, и оттуда пошли в Царьград и увидели украшения церковные и чин божественной службы; изрядную архиерейскую лепоту, песнопения и лики и предстояния дьяконов; и тут пребывали 8 дней. Цари же Василий и Константин отпустили их с дарами и почестями — так они пришли на Русь. Владимир же собрал бояр своих и старцев и сказал им: вот пришли посланные нами, послушаем, что с ними происходило. И сказали слуги ховдившие: вот смотрели, как молятся болгары, в ропоте стоя без пояса, а помолившись, сядут и глядят туда и сюда, как безумные; и нет в них веселья, но печаль и смрад великий; и закон их не хорош. У немцев же различную видели службу, происходящую в храмах, а красоты никакой не видели в них. Тогда пришли к грекам в Царьград, и они привели нас туда, где служат Богу своему, и мы не знали, на небе мы были или на земле, ибо нигде нет такого зрелища и красоты такой, не знаем, как и рассказать — только то знаем, что там Бог с людьми пребывает, и служба их лучшая, чем во всех других странах. Так и не можем забыть красоты той, ибо всякий человек, если попробует сладкого, потом не примет горького — так и мы, князь, не можем здесь находиться, но идем туда. И бояре сказали: «Если бы не был хорош закон греческий, то не приняла бы (его) Ольга, бабка твоя». Тогда Владимир сказал: «Да будет воля Господня!» А сам задумал: «Сделаю так».

л. 538 об.

л. 539

Через год пошел войной на Корсунь. Корсуняне же крепко сражались из города. Тогда Владимир сказал: «Если не сдадитесь, буду стоять три года». Они же не послушались и стояли шесть месяцев. А в Корсуне был человек, по имени Анастас, он написал на стреле и пустил ее к Владимиру: «К колодцу в восточной стороне города по трубам поступает в город вода; перекопав, переймешь ее». Князь, услышав это, сказал: «Господи Боже! Если это сбудется — крещусь». И велел копать поперек труб и перекрыл воду. Люди же в городе изнемогли от жажды и сдались. Он же, заняв город, послал к царям, к Василию и Константину, в Царьград, говоря им: «Вот взял ваш славный город; слышал, что есть у вас сестра-девица — выдайте ее за меня, а если не дадите ее мне — я и с Царьградом сделаю то же». Они же отвечали: «Нам не должно отдавать за некрещеных — прими крещение; а если этого не сделаешь — не дадим сестры своей за тебя». Владимир отвечал посланным: «(Пусть) пришедшие от вас крестят меня». И послали цари Анну, сестру свою, и с нею воевод и пресвитеров, и (те) пришли в Корсунь. А Владимир разболелся. Епископ же с пресвитерами корсунскими и пресвитерами царицыными, огласив, крестили (его) в церкви святого Иакова в городе Корсуне и нарекли ему имя Василий. И случилось чудо дивное и преславное: как только епископ возложил на него руку — исцелился от болезни. Возрадовался сердцем, и многие из его бояр в тот же час крестились. И поставили церковь в Корсуне на горе — святого Василия²⁶.

л. 539 об.

И после этого взял царицу, Анастаса и пресвитеров корсунских, и мощи святого Климента и Фива, ученика его, взял также иконы некоторые и книги. А город Корсунь отдал царям как вено за их сестру. А сам, войдя в Киев, повелел скинуть и разбить кумиров — одних посечь, а других сжечь; а идола Велеса, которого называли скотым богом, велел скинуть в Почайну реку; Перуна же велел привязать к хвосту коня и волочить с горы по Боричеву на Ручей, а слуг приставил бить идолов жезлами. И это не потому, что дерево чувствует, но для поругания беса, который прельщал нас в этом образе. Плакали люди неверующие, потому что не приняли еще святого Крещения. И притащив кумира Перуна, бросили его в реку Днепр. Он проплыл пороги, (и) ветер выбросил его на берег, и оттого прослыла Перунья гора. И разослал приказание по всему городу, чтобы утром все были на реке — богатый или бедный, или нищий, или раб. Услышав же это, люди радостно потекли (туда), говоря: «Если бы это не было хорошим, не приняли бы сего князь и бояре». Наутро же вышел Владимир с пресвитерами царицыными и корсунскими, и сошлось народу без числа: влезли в воду по шею, а иные по грудь, молодые же на берегу, а женщины младенцев держат, а пресвитеры на берегу молятся. И была радость великая у крестившихся людей, и разошлись все по домам. Владимир же рад был, что познал Бога сам и люди все и помолился: «Боже, сотворивший небо и землю, и море, и все, что в них! Призри на людей Твоих и дай им познать Тебя, и утверди в них веру истинную, а мне помоги против врагов, чтобы я победил их». И повелел христианам ста-

л. 540

л. 540 об.

вить церкви на тех местах, где кумиры стояли; а сам поставил церковь святого Василия на холме, где стоял идол Перуна. И повелел священникам по городам и по селам людей ко Крещению приводить и детей учить грамоте²⁷.

Спустя год задумал создать церковь Пресвятой Богородице (и) послал привести мастеров из греков. Когда же она была построена, украсил ее иконами и поручил ее Анастасу Корсунянину; и священников корсунских поставил служить в ней, и отдал им все, что некогда взял в Корсуне, и кресты²⁸, и выделил от всего имущества и от города десятую (часть) для этой церкви. Ибо был очень милостив, по слову Господню, где говорится: *блаженны милостивые, ибо они помилованы будут* (Мф. 5, 7). Нищие же приходили на двор его каждый день и получали, кто что просил; а недужным, немощным ходить, повелел слугам, чтобы приносили им домой. И много сотворил добродетелей. Умер же на Берестовом, и утаили его, ибо был Святополк в Киеве. Ночью же между клетями разобрав помост, спрятали в ковер, а веревки спустили на землю, и, положив на сани, отвезли и поставили его в (церкви) святой Богородицы, которую сам когда-то построил. Узнав об этом, сошлись люди без числа и плакали по нем — бояре как по заступнике их страны, бедные как об их кормителе²⁹. О чудо! Как второй Иерусалим на земле явился Киев, и второй Моисей явился Владимир. Тот (установил) в Иерусалиме закон-тьень, отлучающий от идолов, а этот — чистую веру в святое Крещение, вводящее в Жизнь Вечную. Тот велел придти к закону о Боге Едином, этот же верую и святым Крещением просветил всю Русскую землю и привел к Пресвятой Троице, к Отцу и Сыну и Святому Духу, и через добродетель получил Жизнь Вечную, а людей, научив тому же, ввел в Царство Небесное. Там одним апостолам сказал Господь: *не бойся, малое стадо* (Лк. 12, 33), — здесь тоже всем сказано. Там — 40 дней и 3 Моисей (был на горе) и, дав закон, преставился и на горе погребен; этот же 30 лет и 3 пребыв во святом Крещении, веру чистую соблюдая, заповеди совершив Господни, преставился, в руки Божии душу свою предав. И тело его честное положили в гроб мраморный и похоронили с плачем благоверного князя³⁰.

И был Владимир вторым Константином в Русской земле: то новый Константин великого Рима, который крестился сам и людей своих крестил — так и этот поступил подобно ему. Если прежде, в язычестве, и испытывал он потребность в скверной похоти, то после усердствовал в покаянии, как говорит апостол: «Где умножится грех, там преизобилует Благодать»³¹. Если в невежестве и другие прегрешения были, то после раскаялся покаянием и милостынями. Как говорится: на чем тебя застану, за то тебя и сужу. Как говорит пророк: *живу Я, говорит Господь Бог: не хочу смерти грешника, но (...)* обратитесь от злых путей ваших (Иезек. 33, 11). Ибо многие праведники, не поступающие по правде, при жизни погибают. Удивления достойно, сколько он сотворил добра Русской земле, крестив ее. Мы же, став христианами, не воздаем почестей, равных его делу. Ибо если бы он не крестил нас, то и ныне бы еще пребывали в прельщении дья-

л. 541

л. 541 об.

л. 542

л. 542 об.

вольском, в котором и прародители наши погибли. Если бы имели усердие и молились за него Богу в день преставления его, то Бог, видя наше усердие к нему, прославил бы его: нам ведь следует молить за него Бога, так как через него познали мы Бога. Пусть же Господь воздаст тебе по желанию твоему и все просьбы твои исполнит — о Царствии Небесном, которого ты и хотел. Пусть даст тебе Господь венец вместе с праведными, услаждение пищей райской и ликование с Авраамом и другими патриархами, по слову Соломона: «Со смертью праведника не погибнет надежда»³². Вот почему память его чтут русские люди, вспоминая святое Крещение, и прославляют Бога молитвами, песнопениями и псалмами, воспевая их Господу, новые люди, просвещенные Святым Духом, ожидая надежды, великого Бога и Спаса нашего Иисуса Христа: (Он придет) воздать каждому по трудам его неизреченную радость, которую предстоит получить всем христианам³³.

л. 543

О святые цари, Константин и Владимир! Помогайте против врагов родным вашим и людей, греческих и русских, избавляйте от всякой беды, и обо мне, грешном, помолитесь Богу, как имеющие дерзновение обращаться к Спасителю — да спасусь вашими молитвами. Молюсь и молю вас написанием грамотицы сей малой, которую, восхваляя вас, написал недостойным умом и слабым и невежественным рассуждением. Вы же, святые, молясь о нас, людях своих, примите на молитву Богу святых ваших сыновей Бориса и Глеба, да все вместе сможете Господа умолить, с помощью силы Креста Честного и с молитвами Пресвятой Богородицы, Госпожи нашей, и со всеми святыми³⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О личности автора этого сочинения в научной литературе единого мнения не существует. Те ученые, которые не сомневаются в древности памятника, то есть принадлежности его 70-м годам XI века (Е. Е. Голубинский, А. А. Шахматов, Н. И. Серебрянский и др.), предполагают, что автор «Памяти и похвалы» тот самый пресвитер Иаков, пришедший в Киево-Печерский монастырь «с Альты, вместе с братом своим Павлом», которого святой Феодосий перед смертью хотел назначить своим преемником.

² Все тексты Иаков приводит по древнему переводу (X—XI вв. (?)), В настоящей публикации тексты Священного Писания даны по Синодальному переводу.

³ В приведенной Иаковом цитате из святого евангелиста Луки и в следующих фразах можно усмотреть намек автора на то, что многие писали, но неверно, а он, Иаков, теперь изложит «твердое основание», то есть истину о том, как на самом деле крестился князь Владимир.

⁴ «...и о сыновьях его, то есть святых и славных мучениках Борисе и Глебе...».

В 40—50-х годах XIX века на основании этих строк автору «Памяти и похвалы» приписывались и два других сочинения: «Житие князя Владимира» и «Житийное сказание о Борисе и Глебе» (митрополит Макарий, В. И. Срезневский и др.). Однако уже в конце XIX века было установлено более позднее происхождение «Сказания» (начало XII века) и его компилятивный характер — зависимость от Несторова «Чтения» и летописи (А. И. Соболевский, Н. К. Никольский, А. А. Шахматов, Н. И. Серебрянский). Что касается «Жития князя Владимира», которое в рукописных сборниках XV века следует, как правило, за «Памятью», то странным кажется, каким образом можно было усвоить одному автору сочинения, содержащего противоположные концепции: с одной стороны («Память и похвала»), обращение князя Владимира к христианству без посторонней помощи, его крещение за несколько лет до корсунского похода и, с другой («Житие») — посольство в разные страны с целью испытания вер и крещение в Корсуне как своеобразное вено за невесту. Подробнее об этом Житии см. в прим. к публикуемому здесь переводу.

⁵ «...это слыша, Владимир возгорелся Святым Духом в сердце своем, хотя святого Крещения».

Очень ценное свидетельство Иакова о христианском воспитании князя Владимира, на которое обратил внимание еще Е. Е. Голубинский (История Русской Церкви. СПб., 1880. Т. I, 1-й полутом, с. 131—132). «Повесть временных лет» и Жития князя Владимира, составленные значительно позже на основе ПВЛ и других близких по своей тенденции источников, считают обращение князя Владимира в христианство исключительно результатом проповеди грека-философа и со многими, часто фантастическими, подробностями описывают грешную жизнь его до 986 года. Однако современники Иакова, митрополит Иларон и преподобный Нестор, люди известные и уважаемые, христиане второго поколения, иначе оценивают характер Владимира-язычника и соответственно иначе представляют его путь к познанию истины. Ни один из трех авторов не упоминает ни о посольствах Владимира в другие страны для испытания веры, ни о проповеди греков, ни о самом так называемом «выборе веры». Митрополит Иларон говорит о том, что Владимир «всегда (разрядка авт. — А. Б.) слышал» «о благоверных землях греческие, христоролюбивые же и сильне верую» и что ко Святому Крещению он пришел без видимых доказательств истинности христианской веры: «Ты же, о блаженниче, без всех сих притече к х(рист)у, токмо от бл(а)гаго смысла и остроумия разумевъ, яко есть Б(ог)ъ един, творец невидимым и видимым, н(е)б(е) снйимъ и земленнымъ» (Молдован А. М. Слово о Законе и Благодати митрополита Иларона. Киев, 1984, с. 95). Преподобный Нестор еще более определенно высказывается о нравственности Владимира-язычника как о таком состоянии души, которое естественно должно было расположить его к христианству: «беже мужъ праведенъ и милостивъ къ нищимъ и къ сиротамъ и вдовицамъ, еллинъже верую, и семуо Богъ спону некою наведъ и сътвори быти ему крестьяну, якоже древле Плакиде» (Чтение о житии и о погублении блаженную стратотърпцу Бориса и Глеба. — Православный собеседник. Казань, 1858, апрель, с. 587). И если митрополит Иларон сообщает о том, что Владимир «всегда слышал о благоверной земле греческой», то Иаков уточняет и трижды повторяет, что слышал он это от бабки своей Ольги и, желая следовать ее праведной жизни, захотел креститься.

⁶ См. Пс. 9, 3:

Возвеселюся и возрадоуюся о Тебе: пою имени Твоему, Вышний.

⁷ См. Прор. Аввак. 3, 17—18:

Хотя бы не стало овец в загоне и рогатого скота в стойлах, — но и тогда я буду радоваться о Господе и веселиться о Боге спасения моего.

⁸ В оригинале: «изводяй от нечестия нечестиваго, аны уста моя еси».

⁹ В оригинале: «блаженъ человекъ, егоже Бог накажеши, Господи, отъ закона Твоего научиши, и да укротиши отъ днйи людъ».

¹⁰ «А ты, о блаженный князе Владимире... подобно Константину Великому содеял».

Одним из источников «Памяти», как неоднократно указывалось в исследовательской литературе, является «Слово о Законе и Благодати» митрополита Иларона, современника Иакова. Данный отрывок содержит не просто стилистическую, но идейную переключку Иакова с автором «Слова»: именование русских христиан «новым народом», мотив преемственности в христианской истории, мотив свободы выбора христианской веры князем Владимиром (без летописного «испытания веры» и проповеди грека-философа), наконец, «полемически направленное против греков сравнение Владимира с Константином Великим», — как пишет академик Д. С. Лихачев (Русские летописи и их культурно-историческое значение. М. — Л., 1947, с. 68), — а княгини Ольги со святой Еленой, матерью византийского императора. То, что Иаков не дословно воспроизводит пространное сравнение митрополита Иларона, а лишь перефразирует отдельные места (о законе, установленном Константином Великим, о Кресте, который, по словам автора «Слова», «онъ съ материю своею еленю... от Иер(у)с(а)лима принесша по всему миру своему раславльша»), — на наш взгляд, еще одно доказательство в пользу древности этого памятника: компиляторы позднего времени (особенно XIV—XV вв.) воспроизводят используемые ими источники слово в слово, так как со временем все написанное прежде становится как бы общепризнанным летописным достоянием, что позволяет, так сказать, не учитывать «авторских прав».

¹¹ В списках XV века, с которых сделан настоящий перевод, после этих слов, под особым заголовком, следует «Похвала княгине Ольге» — произведение неизвестного автора XIV века. По мнению Н. И. Серебрянского, первоначальный текст Иакова включал краткую похвалу княгине. Однако «позднейший редактор «Памяти», воспользовавшись заметкой Иакова об Ольге, составил новый, особый памятник... а переписчик Синаодального пролога № 3763 (или кто-нибудь другой, раньше него) поместил это сочинение уже в виде самостоятельной статьи» (Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития. Обзор редакций и тексты. — М., 1915, с. 35).

Н. И. Серебрянский считает, что краткая заметка Иакова об Ольге была первой попыткой похвального слова этой святой, что до «Памяти» или параллельно с «Памятью» подобного текста не существовало.

¹² Княгиня Ольга приняла святое Крещение в 955 году.

¹³ По мнению Н. И. Серебрянского, здесь кончается краткая похвала княгине Ольге Иакова, весь же последующий текст до слов «Блаженный же князь Владимир» принадлежит автору XIV века. Действительно, краткая похвала по стилю и языку ближе предыдущему тексту. Она начинается и заканчивается словами, сказанными Иаковом об Ольге в самом начале «Памяти» и содержит парафразу из «Слова» митрополита Илариона — характерная черта стиля Иакова, отсутствующая в тексте XVI века («нагих одевая, жаждущих напоая» и т. д.). В этом, позднем, тексте о блаженной Ольге говорится как о святой, которую прославил Бог (а не только люди — как в ПВЛ, нач. XII в.), сохранив тело ее нетленным. Такой мотив мог скорее возникнуть в период подготовки канонизации княгини Ольги, как и весь эпизод чуда с оконцем, заимствованный, по мнению Н. И. Серебрянского, из северно-русского проложного жития конца XIII века.

¹⁴ Кроме «Похвалы княгине Ольге», текст «Памяти» распространен еще одним самостоятельным произведением, так называемым Древним житием князя Владимира (по терминологии А. И. Соболевского), которое начинается словами: «Блаженный же князь Володимеръ внукъ Олжинъ». Это самое древнее из сохранившихся житийное сказание о крестителе Руси. Оно составлено приблизительно в последней четверти XI века на основании еще более древнего памятника — Сказания о Крещении Руси, входившего в Древнейший летописный свод (40-е годы XI века). Та редакция ДЖ, которая внесена в текст «Памяти», является наиболее полной и близкой к первоначальной, по сравнению с отдельными списками этого памятника, вошедшими в Пролог. Но и в этом своем виде ДЖ сильно искажено позднейшими вставками.

Эти вставки, однако, не противоречат концепции «Памяти» и самого ДЖ, что позволяет и этот текст включить в круг памятников XI века, объединенных русской (то есть антигреческой) точкой зрения о начале христианства на Руси. Закономерно, что проложные жития князя Владимира, составленные в XIV—XVII вв., ориентированы на летопись и Корсунскую легенду, в то время как памятники XI века имеют другой общий источник — «Сказание о Крещении Руси». В связи с этим можно предположить, что соединение двух памятников произошло еще в древности, и сделал это человек, не разделявший положения Корсунской легенды. Иначе в одном произведении были бы соединены элементы двух противоположных концепций, как произошло, например, с самой летописью в ее поздних (начало XII века) редакциях.

¹⁵ «*Не удивляемся, возлюбленные, что чудес не творит после смерти...*».

В прославлении Богом князя Владимира не за чудеса после смерти, а за дела при жизни уверен и митрополит Иларион, который перечисляет те же заслуги князя перед Богом — выбор им истинной (правой) веры, просвещение своего народа и «многие милости»: «за эти и иные благие дела приема на небесах воздаяние, — те блага, что *приготовил Бог [вам] любящим Его* (1 Кор. 2, 9), — и видением сладостного лица Его насыщаясь, помолишься за землю свою и людей» (перевод авт. — А. Б.).

¹⁶ «*...и так в радости смиренным сердцем говорил...*».

Молитва князя Владимира в ДЖ представляет собой как бы сокращенную редакцию похожего места в «Слове о Законе и Благодати» митрополита Илариона. Ср. в «Слове»: «Все страны Благой Бог наш помиловал и нас не презрел, восхотел — и спас нас, и в разумение Истины привел (...) Когда мы были слепы и истинного света не видели, но во лжи идольской блуждали (...) — помиловал нас Бог, и воснял и в нас свет разума, чтобы познать Его (...) Когда мы претыкались на путях погибели, последую бесам (...) — посетило нас человеколюбие Божие (...) И когда мы были подобно зверям и скотам (...) — послал Господь и нам заповеди, ведущие в Жизнь Вечную (...)» (перевод авт. — А. Б.).

¹⁷ «*И не могу перечислить всех его милостей...*».

Рассказ о «милостынях» князя Владимира более подробно изложен в ПВЛ под 996 годом, однако милосердие Владимира-христианина выглядит здесь поистине языческим разгулом и чревоугодием, чего нет ни у Илариона, ни у Иакова, ни в ДЖ.

¹⁸ «*...побеждал он всех врагов своих...*».

А. А. Шахматов считает, что перечисление военных побед князя Владимира и описание корсунского похода в ДЖ внес поздний компилятор, чтобы согласовать концепцию этого памятника с Корсунской легендой, возникшей позже. Действительно, если учитывать, что памятники древнерусской письменности, повествующие о начале христианства на Руси, пользуются определенным набором фактов, и этот набор полностью зависит от русской или греческой концепции автора или редактора, — то нужно было бы согласиться с А. А. Шахматовым, так как в памятниках русской ориентации вообще не упоминается о корсунском походе. Однако этот «поздний компилятор» использовал сведения о корсунском походе совсем с другой целью, нежели редактор ПВЛ, человек откровенно греческой ориентации. В нескольких строках он сумел трижды показать, что князь Владимир пошел на Корсунь христианином: во-первых, вложив в уста русского князя молитву (что вряд ли было бы возможно, если бы он думал о Владимире, идущем на Корсунь, как о язычнике); во-вторых, четко определив цель похода — «да научать люди закону крестьянскому» (то есть чтобы корсунские священники научили —

не меня, а мой народ, чего я малыми своими средствами сделать не смогу); и, в третьих, аргументировав сватовство Владимира той же, главной потребностью нового христианства — «да ся бы бо м а (то есть е еще более) на крестьянский законь направиль». Все это может говорить о том, что вставка принадлежит человеку антигреческой ориентации, но уже знакомому с Корсунской легендой и явно с ней полемизирующему. Не только признание Владимира, идущего на Корсунь христианином, но и доброжелательный тон всего рассказа резко отличается его от описания корсунского похода в ПВЛ или других житиях, зависящих от Корсунской легенды: здесь совершенно отсутствуют приписываемые князю Владимиру в других памятниках слова и действия, несообразные с человеческой логикой или откровенно порочащие в глазах народа образ любимого им князя. Отметим еще одну важную черту, которую не учел А. А. Шахматов и поэтому не распознал в авторе вставки человека «русской» ориентации: по сравнению со сказочно-примитивным стилем ПВЛ и других житий, анализируемый отрывок имеет скорее характер воспоминания, то есть повествования, основанного на некогда происшедших, но уже забытых событиях, а не на произвольном вымысле.

¹⁹ Трудно не согласиться с Н. И. Серебрянским, что ДЖ «в настоящем своем виде представляет собой сборник разнородного биографического материала, изложенного без определенного плана, с повторениями и неясностями, с пропуском основных фактов в биографии крестителя Руси» (Указ. соч., с. 45). Добавим к этому нарушение хронологии событий: «Благодать Божия» помогает Владимиру-христианину одержать победы в походах, которые он совершал будучи еще язычником.

²⁰ Здесь кончается вставка о корсунском походе, о чем говорит смысловая несвязанность с последующим текстом и явно повисающие в воздухе слова «положи», опущенные нами при переводе. Текст, следующий ниже, отличается еще большей разнородностью, чем предыдущий. В нем можно выделить несколько частей: 1) до «Молитвы князя Володимера», 2) «Молитва» (включая слова «того ради примуть венец красоты от руки Господня»), 3) хронология событий по крещении князя Владимира (до слов «И Бог поможе ему») и 4) довольно сумбурный конец жития.

²¹ По-видимому, текст до «Молитвы» принадлежит Иакову, так как имеет много общих черт с первой частью «Памяти»: неровный стиль, повторение той же похвальной формулы (по адресу княгини Ольги), которой автор дважды пользовался в предыдущем тексте. Правда, А. А. Шахматов считает, что и «Молитва» составлена Иаковым, а со слов «По святом же крещеньи поживе блаженный князь Володимеръ 28 летъ» и до конца продолжается текст ДЖ. Вставка в ДЖ о корсунском походе нарушила последовательность повествования и рассказы о событиях до крещения Владимира и после оказались переставленными.

²² А. А. Шахматов считает, что хронология событий после крещения князя Владимира взята автором ДЖ из Древнейшего летописного свода (30—40 гг. XI в.), который отличался отсутствием точных дат (они привнесены в Начальный свод — последняя четверть XI в. — из греческих хронографов). Этот утраченный источник говорит о том, что князь Владимир крестился за «два лета» до корсунского похода, а фраза ДЖ «по святом же крещении поживе блаженный князь Володимеръ 28 летъ» уточняет год этого события — 987. Таким образом, в древнейших русских памятниках XI века в ПВЛ обнаруживаются существенные расхождения в датировке важнейших событий, связанных с началом христианской истории Руси:

	Древн.	Начальн.
	летоп. свод.	летоп. свод.
	ДЖ	ПВЛ
крещение кн. Владимира	987	988
корсунский поход	989	988
закладка церкви святой Богородицы	990	989
определение десятины церкви святой Богородицы	995	996

Эти несоответствия до сих пор заставляют исследователей опровергать хронологию «Памяти» (как бы скептически они к ней ни относились) показаниями арабских и греческих источников, хотя у греков, как известно, было больше оснований фальсифицировать русскую историю, чем у самих русских.

Выдающиеся ученые и историки Церкви (митрополит Макарий, Е. Е. Голубинский, А. А. Шахматов, Н. И. Серебрянский и др.) не сомневались в подлинности свидетельства древнейших русских источников, утраченных в глубокой древности и дошедших до нас в текстах «Памяти и похвалы» Иакова, митрополита Илариона, преподобного Нестора, а отчасти и ПВЛ. Важность этого единомыслия усиливается тем, что некоторые из них не были склонны отстаивать оригинальность древнерусской государственности и культуры вообще. Известен крайний скептицизм Е. Е. Голубинского в оценке древнерусской письменности, А. А. Шахматов и вовсе был приверженцем «нормандской» теории — то есть ни тот, ни другой по сути не разделяли «анти-

греческих» настроений, возникших в среде русских историков в XIX—XX веках. Но непредвзятый сравнительный анализ памятников русской письменности XI—XIV веков позволил этим ученым сделать вывод, что хронологические несоответствия «Памяти» и ПВЛ отражают существование древнейшей («Память») и более поздней (ПВЛ) версий крещения князя Владимира. Говоря об искусственности, литературности «речи философа» в ПВЛ, Шахматов замечает: «Помнили русские люди, что Владимир крестился в Киеве и что поход на Корсунь принят им уже после крещения, но как, при каких обстоятельствах, под влиянием чего произошло крещение — все это было забыто; пришлось строить здание на песке, пришлось прибегнуть к заимствованиям, аналогиям» (Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, с. 154), в результате чего уже в ПВЛ мы имеем «подробный» рассказ о начале христианства на Руси, а Иаков, по словам протоиерея Л. Лебедева, «совсем не знает обстоятельств и даже места крещения Владимира» (Достоверность летописного свидетельства о месте и времени крещения князя Владимира и киевлян. Б. гр. сб. 28).

²³ По летописи Святослав умер в 972 году и вояжние Владимира произошло, таким образом, в 980 году, то есть «на восьмой год по смерти отца». Шахматов считает, что «лето 6486-е» началом княжения Владимира в Киеве было указано в древнейшей летописи, которой пользовался автор ДЖ.

²⁴ Десятый год по смерти Ярополка — 990, то есть здесь явная описка переписчика.

²⁵ «Обычное» или «летописно-проложное» житие князя Владимира — по терминологии XIX века. Так как в списках XV века этот памятник обычно следует за «Памятью и похвалой» Иакова и начинается словами, взятыми из «Сказания о Борисе и Глебе» («Сице убо бысть малым преже сихъ летъ»), которое долгое время приписывалось ему же, то это житие считали продолжением «Памяти». Однако изучение этого памятника, сравнение его с другими источниками позволило Н. И. Серебрянскому сделать вывод, что «это новое житие было лишь подделкой под никогда не существовавшее сочинение Иакова» (Указ. соч., с. 50). Это житие составлено на основании летописного сказания и проложного жития (1-я половина XII века) не ранее XIV века. Голубинский считал его автором грека. Распространение этого сочинения вместе с «Памятью» и как ее продолжение, по мнению Серебрянского, «спасло текст Иакова от существенных переделок и согласования с данными Корсунской легенды и, более того, делало это соглашение даже ненужным: недоговорки в «Памяти» о месте крещения Владимира разъяснил сам Иаков, в другом своем сочинении о Владимире решительно ставший на сторону Корсунской легенды» (там же). Летописно-проложное житие, основанное на Корсунской легенде, восприняло ее стиль и концепцию, несовместимые с «Памятью» и отражающие «антирусскую» точку зрения на начало христианства на Руси.

²⁶ Весь этот отрывок взят из ПВЛ, где в статьях 6495 (987) и 6496 (988) года помещен рассказ о посольствах Владимира и взятии Корсуни. Житие сокращает или перефразирует лишь некоторые фразы летописи. Так, под влиянием другого источника автор жития пишет, что Владимир крестился в церкви святого Иакова, а потом уже поставил на горе церковь святого Василия. Составитель жития выпустил из летописи большой отрывок с изложением Символа веры и проповеди против латинян, а затем, перефразируя и сокращая, продолжил летописное повествование о крещении киевлян.

²⁷ В этом отрывке, который является продолжением статьи 6496 (988) года ПВЛ, одно существенное расхождение с летописью. В молитве, помещенной в ПВЛ, князь Владимир призывает благопризрение Господа на «новых людей» и просит помощи «против дьявола — да одолею козни его, надеясь на Тебя и на Твою силу». Термин «новые люди» знаменателен в ситуации противостояния греческой церковной политике на Руси. Так митрополит Иларион называет новокрещенных соотечественников, указывая на историческую миссию русского народа; это же сочетание встречается у Иакова. Произведения «русской» ориентации, как уже говорилось, имели общий источник — «Сказание о Крещении Руси», к которому восходит термин «новые люди». Это сказание, помимо Корсунской легенды, использовали и авторы Начального свода, преобразованного в ПВЛ. В памятниках позднего происхождения (каковыми является наше житие), целиком ориентированных на Корсунскую легенду, термин «новые люди» уже не встречается.

²⁸ ПВЛ, ст. 6497 (989) года.

²⁹ ПВЛ, ст. 6523 (1015) года.

³⁰ Последняя фраза — там же.

³¹ Рим. 5, 20.

³² Притч. 14, 32.

³³ Со слов «то новый Константин великого Рима» и до сих пор без изменений воспроизведен текст ПВЛ, ст. 6523 (1015) года.

³⁴ Это заключительное обращение к святым Константину и Владимиру, по-видимому, приписал от себя составитель жития, которого Е. Е. Голубинский (на основании именно этих слов) считал греком.